

Агата Кристи Ночная тьма

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121983

Ночная тьма : детективный роман / Агата Кри-сти: Эксмо; Москва; 2011

ISBN 978-5-699-47925-2

Аннотация

Старинный особняк, который считают проклятым; древнее цыганское заклятие; песенка на стихи Блейка, строчка из которой и дала название роману; убийство, кажущееся поначалу обычным убийством ради наследства, но оказавшееся отнюдь не единственным, – все смешалось в романе «Ночная тьма»...

Содержание

Книга первая	4
Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	26
Глава 7	29
Глава 8	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Агата Кристи

Ночная тьма

*Норе Причард, от которой я впервые услышал легенду о
цыганском участке*

Книга первая

Глава 1

«Конец твоего пути предопределен его началом...» Это изречение я часто слышал от разных людей. Звучит оно красиво, но что на самом деле значит?

Есть ли некая точка отсчета, отыскав которую можно было бы сказать: «Все началось именно в тот день, в тот час, в том месте и с того события»?

Возможно, эта история началась с того, что я заметил на доске объявлений компании «Джордж энд Дрэгон» сообщение о предстоящей продаже с аукциона довольно обширного поместья «Тауэрс»? В сообщении были указаны площадь «Тауэрс» в акрах¹, протяженность дороги в милях и дано весьма идеализированное изображение поместья, каким оно, наверное, было в пору своего расцвета, – восемьдесят, а то и сто лет назад.

Помнится, я от нечего делать прогуливался по главной улице захолустного местечка Кингстон-Бишоп, тогда и наткнулся на это объявление. Почему? Судьба сыграла злую шутку? Или, наоборот, на мою долю выпал счастливый случай? Трудно сказать.

А может быть, все началось с моей встречи с Сэнтониксом, с тех бесед, что мы вели? Перед моим внутренним взором тотчас возникают его пылающие щеки, горящие глаза, движения сильной, хотя и тонкой кисти: он работает над эскизами зданий. С особым тщанием над одним из них, до того красивым, что я и сам с удовольствием бы стал его владельцем.

Желание иметь дом, прекрасный и удивительный, о котором я и помыслить не смел, возникло у меня именно тогда, во время бесед с Сэнтониксом. Мы предавались мечтам о доме, который он построит для меня – если, конечно, ему позволит здоровье.

И еще я мечтал, что поселюсь в нем с любимой женщиной и мы, как в детской сказке, будем там «жить-поживать да добра наживать», – все это была, конечно, игра воображения, забава, но она заставляла меня жаждать того, что я вряд ли мог надеяться заполучить.

Или, если это повесть о любви – а это, клянусь, именно повесть о любви, – тогда почему бы мне не начать с того, как я впервые увидел Элли? Она стояла в тени разлапистой ели, что растет на Цыганском подворье.

Цыганское подворье... Да, все-таки лучше начать с той минуты, когда я, чуть вздрогнув – потому что на солнце вдруг набежало темное облако, – отвернулся от доски объявлений и, обратившись к местному жителю, который подстригал живую изгородь в двух шагах от меня, с нарочитой небрежностью в голосе спросил:

– А что представляет собой этот «Тауэрс»?

Я и сейчас помню то странное выражение, с каким старик искоса поглядел на меня.

– Мы его называем по-другому. Что это за название? – неодобрительно фыркнул он. – Там уже много лет никто не живет, все и позабыли, что это «Тауэрс». – И опять фыркнул.

¹ Акр – мера земельной площади, равная 4046,86 м².

Я спросил его, как они называют этот дом, и тут он отвел глаза – обычная манера деревенских жителей, когда они не хотят говорить откровенно. Глядя куда-то в сторону, словно там он видел что-то такое, чего не видел я, он сказал:

– У нас в округе его зовут Цыганским подворьем.

– А почему? – спросил я.

– Из-за какой-то темной истории. Сам толком не знаю. Кто одно говорит, кто другое. – И затем добавил: – Но всем известно, что место это гиблое, там вечно случаются всякие беды.

– С машинами?

– Не только. Нынче, конечно, больше с машинами. Там ведь дорога как раз делает крутой поворот.

– Ну ясно, – отозвался я. – Если крутой поворот, то несчастных случаев не избежать.

– Местные власти поставили там дорожный знак, но толку от этого мало. Все равно машины бьются – одна за одной.

– А почему «Цыганское»? – спросил я.

И снова его взгляд метнулся в сторону.

– Да все те же рассказы, – уклонился он от прямого ответа. – Говорят, когда-то это место принадлежало цыганам, а потом их выгнали, и они предали землю проклятию.

Я невольно расхохотался.

– Чего тут смешного? – рассердился он. – Разве нет на земле проклятых мест? Вам, городским умникам, ничего про них не ведомо. Цыганское подворье – одно из таких. Как стали из тамошней каменоломни брать камень для строительства, то сколько людей погибло... А старый Джорди как-то вечером свалился там с обрыва и сломал себе шею.

– Пьяный? – предположил я.

– Возможно. Выпить он был не дурак. Но мало ли пьяниц падают в реку, здорово расшибаются, конечно, но все-таки остаются живы. А Джорди сломал себе шею. Вон там, – он ткнул пальцем себе за спину на поросший соснами холм, – на Цыганском подворье.

Да, пожалуй, с этого все и началось. Но тогда я не придавал этим словам никакого значения. Случайно запомнил – вот и все. Когда я задумываюсь над этим, то есть когда задумываюсь всерьез, мне начинает казаться, что многое я домыслил сам. Не помню, в тот ли момент или чуть позже я спросил у него, есть ли в округе цыгане. Теперь, ответил он, их почти не осталось. Полиция гоняет.

– А почему цыган так не любят? – спросил я.

– Потому что на руку больно нечисты, – сердито ответил он и пристально посмотрел на меня. – А в вас, случаем, нет цыганской крови? – угрюмо поинтересовался он, не спуская с меня глаз.

Я сказал, что понятия не имею. Я и вправду немного смахиваю на цыгана. Быть может, поэтому меня и привлекло это название – Цыганское подворье. Я улыбнулся ему и подумал, что, может, и в самом деле во мне есть капля цыганской крови. Разговор у нас вышел, прямо скажем, весьма любопытный.

Цыганское подворье... Я пошел по дорожке, что вилась среди темных деревьев на вершину холма. Оттуда открывался вид на море с кораблями. Панорама была чудесной, и мне вдруг подумалось: «А что, если бы Цыганское подворье принадлежало мне?» Взбредет же такое в голову... Какая чушь.

Когда я на обратном пути проходил мимо своего недавнего собеседника, он сказал:

– Если вам нужны цыгане, то у нас здесь есть старая миссис Ли. Она живет в коттедже, ее туда пустил майор.

– Какой такой майор? – спросил я.

– Майор Филпот, конечно. – Он был просто потрясен и даже оскорблен – как мог я задать подобный вопрос?

Я понял, что майор Филпот был местным божеством. А миссис Ли вроде как была у него на иждивении. Филпоты, похоже, жили и правили здесь с незапамятных времен.

Я попрощался со стариком и двинулся было дальше, и тут он сказал:

– Ее дом крайний на этой стороне улицы. Да вы ее увидите, небось бродит по саду. Тем, у кого в жилах цыганская кровь, в комнатах не сидится.

Я побрел по улице, насвистывая, и размышляя про Цыганское подворье, и совершенно не думая о последних словах старика, как вдруг увидел, что из-за изгороди за мной пристально следит высокая темноволосая пожилая женщина. Я тотчас понял, что это и есть миссис Ли. Я остановился.

– Мне сказали, что вы знаете все про Цыганское подворье, – сказал я.

Глаза ее смотрели на меня в упор из-под растрепанной черной челки.

– Послушай меня, мил-человек. Забудь о Цыганском подворье. Ты – красивый парень. Цыганское подворье еще никому счастья не приносило, не принесет и тебе.

– Оно вроде бы продается, – сказал я.

– Да, но купит его только последний глупец.

– А есть желающие?

– Какой-то подрядчик. И не он один. И продадут его за гроши. Вот увидишь.

– Это почему же? – заинтересовался я. – Участок ведь превосходный.

Она ничего не ответила.

– Допустим, подрядчику удастся дешево купить его. И что он будет с ним делать?

Она засмеялась. Смех у нее был неприятный, даже зловещий.

– Снесет старый, ветхий дом и построит новый. А то и двадцать-тридцать домов – и на всех будет лежать проклятие.

Эта ее угроза почему-то не произвела на меня должного впечатления, и я, не сдержавшись, выкрикнул:

– Зачем же сносить! Этого ни в коем случае нельзя допустить!

– Можешь не волноваться: им это еще аукнется. И тем, кто купит поместье, и тем, кто будет класть кирпич и готовить раствор. Один упадет с лестницы. Нагруженный доверху грузовик перевернется, а шиферная плитка упадет с крыши прямо кому-то на голову. А потом ни с того ни с сего начнется ураган и станут падать деревья. Никому на свете Цыганское подворье не принесет добра. Лучше оставить его в покое. Вот увидишь. – И, энергично тряхнув головой, она тихо повторила про себя: – Нет, не будет счастья тому, кто сунется на Цыганское подворье. И никогда не было.

Я рассмеялся.

– Не смейся, юноша, – строго произнесла она. – Настанет день, когда ты пожалеешь о своем смехе. Счастья здесь не бывало – ни в доме, ни на земле.

– А что случилось с домом? – спросил я. – Почему он так давно пустует? Почему его оставили без присмотра?

– Его последние хозяева умерли, все до единого.

– А как они умерли? – заинтересовался я.

– Об этом лучше не спрашивай. Но с тех пор ни у кого не было желания въехать туда. Вот дом и рушится помаленьку. Про него забыли, и правильно сделали.

– Но почему бы тебе не рассказать мне, что здесь произошло? – стал упрашивать ее я. – Ты ведь знаешь, а?

– Не люблю я сплетничать про Цыганское подворье. – И вдруг она заныла, как нищенка на паперти: – Хочешь, красавчик, я тебе погадаю? Посеребри ручку, и я расскажу, что тебя ожидает. Ты везучий, можешь далеко пойти.

– Я не верю в гадания, – отозвался я, – и нет у меня серебра. Лишнего, во всяком случае. Она подошла поближе и тем же лицемерно-жалобным тоном продолжала:

– Найдется у тебя шестипенсовик?² Есть? Давай сюда. Я расскажу тебе все за один шестипенсовик. Что такое шесть пенсов? Разве это деньги? Так и быть, погадаю тебе, считай, задаром, потому что ты красавчик, и за словом в карман не лезешь, и умеешь себя вести. Говорю же: ты далеко пойдешь.

Я покорно выудил из кармана шестипенсовик – не потому, что поверил в ее глупую болтовню, просто мне чем-то прищлась по душе эта старая плутовка, хотя я и видел ее насквозь. Схватив монету, она сказала:

– Дай руку. Обе.

Она взяла мои руки в свои когтистые морщинистые лапы и уставилась мне на ладони. Она довольно долго молча их разглядывала, потом вдруг резко их выпустила, даже оттолкнув от себя. И, чуть отступив назад, сурово сказала:

– Если желаешь себе добра, сейчас же уезжай. Забудь про Цыганское подворье и не возвращайся назад! Это лучший совет, какой я могу тебе дать. Не возвращайся.

– Почему? Почему мне нельзя вернуться?

– Потому что, если ты вернешься, тебя ждет горе, утрата и, быть может, опасность. Тебя ждет беда, большая беда. Забудь про это место, говорю тебе.

– Да в чем, собственно, де...

Но она уже повернулась и пошла к дому. А войдя в него, захлопнула за собой дверь. Я не из суеверных. Я, конечно, верю, как все мы, в удачу. Но поверить в то, что существуют какие-то старые дома, на которых якобы лежит проклятие!.. Это уж чересчур. И тем не менее мне стало как-то не по себе, оттого что старая карга что-то такое увидела на моих ладонях. Я тоже стал их разглядывать. Что там можно было разглядеть? Чувшь все это, все эти гадания. Просто один из способов вытягивать деньги, воспользовавшись наивностью и доверчивостью всяких простаков. Я взглянул на небо. Солнце уже село, и все вокруг изменилось. Вместе с сумерками на землю опустилось что-то зловещее. «Наверное, будет гроза», – решил я. Поднялся ветер, зашелестела на деревьях листва. Я двинулся назад к центру Кингстон-Бишопа. Чтобы поднять себе настроение, я стал насвистывать какой-то мотивчик.

Поравнявшись с доской объявлений, я посмотрел, когда именно состоится продажа «Тауэrsa». Я ни разу в жизни не бывал на аукционе, где продается недвижимость, и потому решил, что приеду обязательно. Интересно было посмотреть, кто станет владельцем Цыганского подворья. Да, думаю, именно с этой мысли, в сущности, все и началось... А потом я размышлялся. Как я приеду и сделаю вид, что тоже готов бороться за Цыганское подворье! Попробую сразиться с местными подрядчиками! В конце концов они выйдут из игры, потеряв надежду получить его по дешевке, и я куплю его, поеду к Рудольфу Сэнтонику и скажу ему: «Постройте мне дом. Я купил участок». И приведу в этот дом девушку, естественно, красавицу из красавиц, и мы будем, как пишут в сказках, «жить-поживать да добра наживать».

Да, помечтать я всегда любил. Но мечты так и оставались мечтами, но мне от них делалось веселее. Веселее! Так я рассуждал тогда! Господи боже мой, если бы я только знал!

² Шестипенсовик – монета в 6 пенсов, имевшая хождение до 1971 года.

Глава 2

В окрестностях Цыганского подворья в тот день я оказался совершенно случайно. Я привез туда из Лондона одну весьма пожилую супружескую чету на распродажу в один из соседних домов. Сам-то дом, большой и уродливый, не продавали. Только вещи. А моих пассажиров очень интересовала, как я понял из их разговоров, коллекция вещей из папье-маше. В ту пору я понятия не имел, что это такое. Единственный раз слово «папье-маше» я слышал от своей матери. Когда в разговоре с кем-то она утверждала, что раковины из папье-маше были куда приятнее нынешних из пластмассы. Помню, меня весьма изумило, что такие состоятельные люди едут в какое-то захолустье за какими-то вещами, сделанными не пойми из чего.

Однако я запомнил этот факт и решил заглянуть в словарь, узнать, что же представляет собой папье-маше, если ради него люди готовы нанять машину и тащиться на распродажу за город. Мне нравилось узнавать о неведомых для меня вещах. В ту пору мне было двадцать два года, и я таким манером уже успел набраться кое-каких знаний. Я неплохо разбирался в автомобилях, был отличным механиком и умелым шофером. К тому времени я уже поработал конюхом в Ирландии. Потом чуть не связался с торговцами наркотиками, но вовремя опомнился и сбежал от них. Место шофера в известной на всю страну компании проката автомобилей – это совсем неплохо. С учетом чаевых зарабатываешь приличные деньги. И стараний особых не требуется. Правда, порой одолевает скука.

Однажды летом я подрядился собирать фрукты. Платили скудно, но работа мне нравилась. Вообще-то кем я только не работал. Был официантом в третьеразрядном отеле, спасателем на пляже, торговал энциклопедиями и пылесосами, ну и мелочами всякими, работал даже в ботаническом саду, где научился разбираться в цветах.

Но долго я нигде не задерживался. Зачем? Мне многое нравилось, почти все, чем я занимался. Одна работа была легкой, другая потруднее, но меня это не беспокоило. Я не из ленивых. Скорей из непосед. Мне везде хотелось побывать, все посмотреть, все попробовать. Я постоянно был в поиске. Да, именно так. Я все время чего-то искал.

С тех пор как я расстался со школой, мне вечно чего-то хотелось, но чего именно, я и сам не мог понять. Меня не покидало какое-то смутное неутолимое желание. Потом я понял, что меня томило. Мне нужна была девушка... Мне нравились многие девушки, но я все не встречал такой, на которой не задумываясь остановил бы свой выбор... Поначалу девушка вроде очень нравится, а потом с не меньшим удовольствием познакомишься с другой. Девушек я менял так же часто, как работу. Первое время – все замечательно, потом она тебе начинает надоедать, вот и ищешь другую. С тех пор как я бросил учиться, я только и делал, что менял одно на другое.

Большинство моих знакомых относились к такому моему образу жизни весьма скептически. Они были из породы так называемых «доброжелателей». Я же считал, что они просто меня не понимают. Они хотели, чтобы я постоянно ухаживал за какой-нибудь одной славной девушкой, накопив денег, женился бы на ней, нашел себе постоянную работу и жил бы припеваючи. День за днем, год за годом, и так без конца, аминь. Нет, ваш покорный слуга на это не способен! Пресное существование, подкрепляемое системой социального обеспечения в ее недопеченном виде, – это не по мне. Неужто, думал я, в мире, где человек сумел запустить в небо спутник и того и гляди отправится на другие планеты, не найдется ничего, что заставило бы учащенно биться мое сердце! Ради этого я готов был обойти весь белый свет. Однажды, помню, шел я по Бонд-стрит. В ту пору я работал официантом, и мне как раз предстояло заступать на смену. Я шел не спеша, разглядывая витрины с обувью. Туфли на любой вкус, одни лучше других! Как обычно пишут в газетной рекламе: «Вот что носят

сегодня элегантные мужчины», а рядом фотография такого мужчины. И всегда он, этот тип, выглядит почему-то прощелыгой! Все эти рекламные фокусы вызывали у меня только смех!

Следующей была витрина лавки, торговавшей картинами. Там были выставлены всего три картины, искусно задрапированные по углам золоченых рам бархатом какого-то нейтрального цвета. Настоящий шик, ничего не скажешь. Я не больно интересуюсь искусством. Однажды из чистого любопытства я побывал в Национальной галерее. Эти огромные красочные изображения битв в горных долинах, равно как и иссохшие святые, пригвожденные стрелами к крестам, и портреты жеманных, самодовольно улыбающихся знатных дам в шелках, бархате и кружевах, нагоняли на меня тоску. Вот тогда я раз и навсегда решил, что искусство не для меня. Картина же, на которую я смотрел сейчас, была совсем другой. На витрине, как я уже сказал, было три картины. Одна – пейзаж, кусочек сельской местности, это я и так почти каждый день видел воочию. Другая изображала женщину, но в каком-то странном ракурсе, с таким нарушением пропорций, что не сразу можно было догадаться, что перед тобой женщина. Кажется, это называют авангардом³. Сказать по правде, я не имею понятия, что это значит. А вот третья картина была то, что надо. Вроде бы ничего особенного. Она была – как бы это сказать? – довольно простой. Несколько больших колец, вписанных одно в другое. И все разных цветов, причем самых неожиданных. А по краям брошены яркие мазки, которые, по-видимому, ничего не означали. Только все вместе они были полны значения! Не умею я описывать. Могу только сказать, что от картины нельзя было оторвать глаз.

Я стоял перед витриной и чувствовал себя престранно, будто со мной случилось нечто необычное. Те модные туфли, к примеру, я бы купил с удовольствием. Я вообще очень разборчив в одежде. Люблю хорошо одеваться, чтобы производить впечатление, но я никогда всерьез не помышлял о покупке обуви на Бонд-стрит. Известно, какие там цены, – такие туфли стоят не меньше пятнадцати фунтов. Говорят, что это ручная работа, потому, мол, и стоят так дорого. Пустая трата денег. Туфли, конечно, шикарные, но переплачивать за шик, ей-богу, не стоит. Я пока еще не сошел с ума!

Но эта картина... «Сколько же она может стоить? – вдруг подумал я. – Не купить ли? Ты спятил, – сказал я себе. – Тебя же картины не интересуют». Все верно, но эту картину мне так хотелось... Хорошо бы ее заиметь. Повесить у себя в комнате, сидеть и смотреть на нее сколько захочешь и знать, что она принадлежит тебе! Я покупаю картину! Безумие какое-то! Я снова посмотрел на нее. О чем я думаю? И кроме того, я позволить-то себе этого, наверное, не могу. По правде говоря, в тот день кое-какие деньги у меня имелись. Удачно поставил на одну лошадку. Картина небось стоит немало. Фунтов двадцать. А то и двадцать пять! Во всяком случае, почему бы не прицениться. Ведь не съедят же меня! И я вошел, с несколько воинственным видом и в то же время готовый отразить удар.

Внутри царили тишина и величие. Освещение было приглушенным, стены выкрашены в какой-то серый цвет, а посередине стояла бархатная кушетка, на которую можно было сесть и любоваться картинами. Ко мне подошел человек, одетый с иголочки – как на рекламной картинке, – и, в полном соответствии с окружающей обстановкой, заговорил приглушенным голосом. И что удивительно, в его обращении не было и следа того высокомерия, каким отличаются служащие магазинов на Бонд-стрит. Выслушав меня, он снял картину с витрины и, отойдя к противоположной стене, поднял так, чтобы я мог ее разглядывать сколько захочу. Именно тогда меня осенило (такое бывает, когда вдруг понимаешь, что к чему): при продаже картин действуют совсем иные правила, нежели при продаже других вещей. В такую лавку может заглянуть человек, одетый в старый потертый костюм и обтрепанную рубашку, и оказаться миллионером, который желает пополнить свою коллекцию. Или человек вроде

³ Авангард – условное название ряда направлений в искусстве XX века, для которых характерен отход от реалистических традиций.

меня, одетый дешево и безвкусно, но испытывающий такое неукротимое желание заполучить понравившуюся ему картину, что сумеет всеми правдами и неправдами собрать нужную сумму денег.

– Превосходный образец живописи, – сказал человек, продолжая держать в руках картину.

– Сколько? – быстро спросил я.

От его ответа у меня перехватило дыхание.

– Двадцать пять тысяч, – тихо сказал он.

Я умею делать хорошую мину при плохой игре и потому и бровью не повел. По крайней мере, мне так показалось. Он назвал какую-то фамилию, по-видимому иностранную, наверное, фамилию художника, и добавил, что картина попала к ним откуда-то из провинции и ее хозяева и понятия не имели, что это такое. Я держался как мог.

– Деньги немалые, но картина, наверное, того стоит, – вздохнул я.

Двадцать пять тысяч фунтов. Курам на смех!

– Да, – тоже вздохнул он. – Конечно. – И, осторожно опустив картину, поставил ее обратно в витрину. – У вас неплохой вкус, – заметил он.

Я почувствовал, что мы с ним понимаем друг друга. Поблагодарив его, я вышел на Бонд-стрит.

Глава 3

Я не мастер описывать – во всяком случае, до настоящего писателя мне далеко. Вот, например, картина, про которую я рассказывал. Ничего особенного на ней вроде не было. То есть, хочу я сказать, никаких особых мыслей она не вызывала, ни о чем не говорила, но тем не менее я чувствовал ее значимость, понимал, что она – нечто очень весомое и важное. Встреча с этой картиной была настоящим событием в моей жизни. Точно так же, как и Цыганское подворье. Не меньшую роль сыграл в моей судьбе и Сэнтоникс.

Пока я еще ничего о нем толком не рассказывал. Но вы, наверное, уже догадались, что он был архитектором. До него я с архитекторами никогда не встречался, хотя кое-что сообщал в строительном деле. На Сэнтоникса я наткнулся в период моих блужданий. А именно в ту пору, когда работал шофером, возил богатых людей. Мне довелось побывать и за границей: дважды в Германии – я немного знаю немецкий, и дважды во Франции – по-французски я тоже кое-как болтаю, и один раз в Португалии. Пассажиры мои были в основном пожилыми – то есть с хорошими деньгами и плохим здоровьем.

Когда возишь таких людей, начинаешь понимать, что деньги вовсе не гарантируют райской жизни. И у богатых людей бывают сердечные приступы, и потому им надо все время глотать какие-то таблетки. А в отелях их тоже порою невкусно кормят или плохо обслуживают, из-за чего возникают скандалы. Почти все богачи, которых мне довелось знать, были людьми несчастными. Неприятностей у них по горло. То с налогами, то с размещением капитала. Послушали бы вы, о чем они беседуют между собой или с друзьями! Постоянное беспокойство – вот что загоняет их в могилу. И в любви они тоже особой радости не находят, заполучая себе в жены либо длинноногих блондинок, которые сразу же после свадьбы начинают наставлять им рога, либо вечно ноющих уродин, которые то и дело их поучают. Нет, по мне, лучше оставаться самим собой – Майклом Роджерсом, который любит путешествовать и время от времени завязывать интрижки с хорошенькими девушками.

Денег при таком образе жизни у меня, разумеется, было негусто, но я не жаловался. Жилось мне весело и привольно. Не знаю, конечно, как было бы дальше, ибо подобное отношение к жизни проходит вместе с молодостью. Нет молодости, и веселье уже не в радость.

Но в глубине души у меня таилось смутное желание... обладать. Чем именно, я не знал и сам... Однако, продолжая начатую уже историю, расскажу об одном старике, которого часто возил на Ривьеру⁴. У него там строился дом. Вот он и ездил смотреть, как идут дела. Архитектором у него был Сэнтоникс.

Я так и не знаю, кем Сэнтоникс был по национальности. Сначала я считал его англичанином, хотя такой странной фамилии мне ни разу не приходилось слышать. Нет, англичанином он, пожалуй, не был. Скорей всего, скандинавом. Со здоровьем у него было неважно – я сразу это заметил. Он был молодой, светловолосый, с худым и каким-то странным лицом – то ли чуть перекошенным, то ли асимметричным. С клиентами он особо не церемонился. Вы, наверное, думаете, что поскольку они платили деньги, то заказывали и музыку? Как бы не так. Они боялись Сэнтоникса, потому что тот всегда был уверен в своей правоте.

Помню, когда я в первый раз привез своего старикана, он как глянул на то, что уже было готово, так прямо закипел от злости. Пока я крутился возле них, выполняя обязанности то шофера, то лакея, мне довелось урывками слышать их разговор, и очень скоро я стал побаиваться, как бы мистера Константина не хватил удар.

⁴ Ривьера – полоса побережья Средиземного моря; делится на Французскую и Итальянскую, зона отдыха и туризма, международные курорты.

– Вы все сделали совсем не так, как я велел! – кричал он. – И потратили слишком много денег. Слишком много! Мы так не договаривались. Выходит, дом обойдется мне куда дороже, чем я рассчитывал?

– Совершенно верно, – ответил Сэнтоникс. – Но деньги для того и существуют, чтобы их тратить.

– Еще чего! Тратить! Вы не имеете права выходить за рамки определенной мною суммы, понятно?

– Тогда у вас не будет такого дома, какой вы хотите, – сказал Сэнтоникс. – Только я знаю, что именно вы хотите. И строю дом, который вам нужен. И мы с вами оба это знаем. Бросьте скряжничать и препираться. Вам нужен роскошный дом, и вы его получите – будете потом показывать друзьям, которые умрут от зависти. Я берусь строить далеко не всем, я вам об этом уже говорил. Мне важны не только деньги, но и творческое удовлетворение. Ваш дом не будет похож на другие дома.

– Это ужасно! Ужасно!

– О нет. Ужасно то, что вы сами не знаете, чего хотите. По крайней мере, такое создается впечатление. На самом же деле вы знаете, чего хотите, и просто не можете представить. Не видите этого. А я – вижу. Я всегда понимаю, что люди ищут и чего они хотят. У вас есть чутье на красоту. Эту красоту я вам и подарю.

Он говорил, а я стоял рядом и слушал. И понемногу тоже начинал видеть, каким необычным будет этот дом, который строился среди сосен на берегу моря. Его окна вопреки обыкновению выходили не на море, а на просвет между горами, на крошечный кусочек неба. Это было странно, непривычно и прекрасно.

Когда я не был занят, Сэнтоникс иногда со мной заговаривал.

– Я строю дома только тем, кому пожелаю.

– То есть богатым, хотите сказать?

– Но людям небогатым строительство дома не по карману. Однако деньги меня интересуют постольку-поскольку. Мои клиенты должны быть состоятельными, потому что дома, которые я строю, стоят недешево. Сам по себе дом еще ничто. Ему нужна оправка, которая не менее существенна, чем сам дом. Красивый камень, рубин или изумруд, – это всего лишь красивый камень. Он ничего собой не представляет, ибо, пока нет оправы, он не может служить украшением. Но и оправка должна быть достойна прекрасного камня. Дому такой оправкой служит ландшафт, окружающая его природа, которая, пока существует сама по себе, ничего собой не представляет. Но как только в нее вписывается дом, она становится оправой для редкостного брильянта. – Он посмотрел на меня и рассмеялся. – Понятно?

– Не очень, – признался я. – И тем не менее... по-моему, я кое-что понимаю.

– Вполне возможно. – В его глазах появилось любопытство.

Мы еще раз ездили на Ривьеру. К тому времени строительство дома было уже почти завершено. Не буду его описывать, потому что вряд ли мне это по силам, могу только сказать, что в нем было... нечто особенное и был он прекрасен, это я понял. Этим домом можно было гордиться, показывать людям, жить в нем с любимым человеком. И вдруг в один прекрасный день Сэнтоникс сказал мне:

– Знаете, вам я, пожалуй, согласился бы построить дом. Мне кажется, я знаю, какой дом вам хотелось бы иметь.

Я покачал головой и честно признался:

– Я и сам этого не знаю.

– Вы, может, и не знаете, зато я знаю. – И добавил: – Жаль, что у вас нет денег.

– И никогда не будет, – сказал я.

– Это еще неизвестно, – откликнулся Сэнтоникс. – Рожденный в бедности отнюдь не всегда остается бедняком навсегда. Деньги – странная штука. Они идут к тому, кто их сильнее хочет.

– Чтобы разбогатеть, мне не хватает ума, – вздохнул я.

– Честолюбия вам не хватает – вот в чем беда. Вообще-то оно у вас есть, но пока еще не проснулось.

– Что ж, – отозвался я, – в таком случае, как только я его разбужу и накоплю денег, я приеду к вам и попрошу построить мне дом.

– К сожалению, я не могу ждать... – вздохнул он. – Не могу позволить себе пребывать в ожидании. Мне отпущен короткий срок. Еще один-два дома, не больше. Никому не хочется умирать молодым, но порой приходится... Ладно, все это пустые разговоры.

– Значит, мне нужно побыстрее разбудить свое честолюбие.

– Не стоит, – сказал Сэнтоникс. – Вы человек здоровый, живется вам весело. Зачем же что-то менять?

– Да если бы даже и захотел, ничего бы не вышло, – с грустью отозвался я.

В ту пору я именно так и считал. Но мне нравилось, как я живу, а жил я, повторяю, весело, и здоровье у меня было отменное. Я часто возил людей, у которых водились деньги, заработанные тяжким трудом, а вместе с ними заработаны язва желудка, грудная жаба⁵ и многое другое. Я же сам отнюдь не собирался перенапрягаться. Конечно, старался работать не хуже других, но не более того. И честолюбия у меня не было, или, во всяком случае, так мне казалось. Зато у Сэнтоникса честолюбия, по-моему, было в избытке. Оно и заставляло его проектировать и строить дома, делать эскизы и многое другое, для меня непостижимое... а заодно и забирало у него все физические силы. Он вообще был не слишком вынослив от природы. Порой мне приходила в голову несуразная мысль, что он просто загоняет себя в могилу этой своей бесконечной работой, в которой выкладывается на всю катушку. Я же работать не хотел – вот и все. Я работу презирал, совершенно ею не дорожил. Считал, что ничего хуже работы человечество не изобрело.

О Сэнтониксе я думал довольно часто. Он занимал мои мысли, пожалуй, больше остальных моих знакомых. Странная вещь – человеческая память. Уж очень она избирательна. Человек помнит то, что хочет помнить. Сэнтоникс и дом, построенный им на Ривьере, та картина в лавке на Бонд-стрит, руины старого особняка под названием «Тауэрс» и рассказ о Цыганском подворье – все это я отлично запомнил! Еще я хорошо помнил девушек, с которыми встречался, и поездку за границу, куда возил клиентов. Клиенты же были все одинаковы – скучные. Они всегда останавливались в одних и тех же отелях и заказывали одни и те же безвкусные диетические блюда.

Меня по-прежнему не покидало странное ощущение, словно ожидание чего-то особенного, какого-то предложения или события. Не знаю, как получше описать это ощущение. Наверное, на самом деле я искал свою единственную – я имею в виду не просто добропорядочную девушку, на которой можно было бы жениться и которая пришлась бы по вкусу моей матери, дяде Джошуа и кое-кому из моих приятелей. Но в ту пору я еще ничего не смыслил в любви. Зато недурно разбирался в сексе. Как, впрочем, и все мои ровесники. Мы слишком много об этом говорили, слишком много слышали, а потому принимали все эти откровения чересчур всерьез. Мы – я и мои приятели – понятия не имели, что это такое – когда приходит любовь. Мы были молоды и полны сил, мы глазели на встречаемых девушек, оценивая их фигуры, ножки, взгляды, брошенные на нас, и думали про себя: «Согласится или нет? Стоит

⁵ Грудная жаба – обиходное название болезни сердца, сопровождающейся приступами сжимающих болей в области сердца, удушьем, нередко страхом.

ли тратить время?» И чем больше девушек бывало у меня в постели, тем больше я хвастался. Чем большим молодцом меня считали друзья, тем большим молодцом я считал себя сам.

Я и не подозревал, что все мои подвиги не имеют ничего общего с любовью. Наверное, рано или поздно прозрение приходит к каждому – и наступает внезапно. И ты уже не думаешь, как бывало: «Эта малышка, пожалуй, мне подходит... Она должна стать моей». Я, по крайней мере, испытывал совсем иное чувство. Я и понятия не имел, что это произойдет так стремительно. Что я сразу пойму: «Вот девушка, которой я принадлежу. Я в ее власти. Полностью и навсегда». Нет, мне и в голову не приходило, что так получится. Один старый комик вроде бы часто повторял такую шутку: «Ко мне однажды уже приходила любовь. Как почувствую, что она вот-вот заявится снова, срочно сбегу куда-нибудь подальше». То же самое и со мной. Если бы я знал, если бы я только мог знать, к чему все это приведет, я бы тоже сбежал! Если бы, конечно, был умнее!

Глава 4

Я помнил про аукцион на Цыганском подворье. До него осталось три недели. Я успел дважды съездить на континент – раз во Францию и раз в Германию. Именно в Гамбурге и наступил критический момент. Во-первых, мне осточертела супружеская пара, которую я возил. Они олицетворяли собой все, что я ненавидел. Они были грубыми, неприятными внешне, ни с кем не считались и вызывали во мне только одно желание – немедленно покончить с моей лакейской работой. Разумеется, я никак не проявлял своих чувств. Они мне были отвратительны, но я, естественно, не показывал виду. Зачем же портить отношения с фирмой, на которую работаешь. Поэтому я просто позвонил своим пассажирам в отель, сказал, что заболел, и дал телеграмму в Лондон с тем же сообщением, добавив, что могу оказаться в больнице, а потому прошу прислать мне замену. Никто не мог ко мне придаться. А поскольку я никого особенно не интересовал, то проверять они не стали, по-видимому полагая, что я лежу с высокой температурой и потому не в силах сообщить дополнительные сведения. По возвращении в Лондон я бы смог наплести им кучу небылиц о том, как тяжело болел. Но я не собирался этого делать. Я был сыт по горло шоферской деятельностью.

Этот бунт стал поворотным пунктом в моей жизни. Благодаря ему и многому другому я в нужный день и час очутился в зале, где шел аукцион.

«Если не будет продан ранее по договоренности» – такое условие было наклеено поперек доски с объявлениями. Нет, «Тауэрс», как выяснилось, не был продан. Я был так возбужден, что плохо соображал, что делаю.

Как я уже сказал, я никогда до этого не бывал на аукционах, где продается недвижимость. Я был уверен, что это нечто весьма волнующее, но я ошибся. Это был один из самых скучных спектаклей, на которых мне когда-либо довелось бывать. Проходил он в довольно унылой обстановке в присутствии всего шести-семи человек. И аукционист на сей раз совсем не был похож на виденных мною раньше бойких аукционистов, распродававших мебель или всякую утварь. Добродушно пошучивая, они весело расхваливали товар. Здешний же сдавленным голосом описал поместье, уточнил его площадь и другие данные и с полнейшим безразличием перешел к торгам. Когда кто-то предложил пять тысяч фунтов, аукционист устало улыбнулся, словно услышал не очень смешную шутку, и добавил кое-какие сведения. Поступило еще несколько предложений, в основном от людей деревенского вида: от человека, похожего на фермера, от одного, как я догадался, из конкурирующих между собой подрядчиков, а также от двух адвокатов, один из которых, похоже, приехал из Лондона, ибо был хорошо одет и вид имел весьма солидный. Правда, я не обратил внимания, предложил ли он свою цену. Если предложил, то очень тихо и скорей жестом. Так или иначе, аукцион подошел к концу, и ведущий унылым голосом объявил, что поскольку никто не дал резервированную цену⁶, то продажа откладывается.

– Ну и скучища! – пожаловался я одному из местных, выходя вслед за ним из помещения.

– Как всегда, – отозвался он. – Вы часто бываете на таких аукционах?

– Нет, – признался я. – По правде говоря, впервые.

– Зашли из любопытства, да? Вы вроде бы не предлагали свою цену.

– А я и не собирался, – сказал ему я. – Просто решил посмотреть, как это делается.

– Вот так чаще всего и делается. Они просто хотят посмотреть, кто может стать потенциальным покупателем.

Я удивленно посмотрел на него.

⁶ Резервированная цена – цена, ниже которой продающая сторона отказывается продать свой товар с аукциона.

– Это поместье не прочь заполучить, по-моему, трое, – принялся объяснять мне мой новый знакомый. – Уэдерби, подрядчик из Хелминстера, представитель «Дэхем и Кумби», который, насколько я понимаю, действует от имени какой-то ливерпульской фирмы, и какая-то темная лошадка из Лондона – тоже вроде адвокат. Конечно, возможно, имеются и другие претенденты, но эти, по-моему, главные. А хороших денег за него не выручишь. Все так говорят.

– Из-за дурной славы? – спросил я.

– А, значит, вы слышали про Цыганское подворье? Болтовня, конечно. Местным властям давным-давно следовало бы спрямить дорогу – опасное там место.

– Но у поместья в самом деле дурная слава.

– Басни, и ничего больше! Но так или иначе настоящие торги, уверяю вас, состоятся за сценой. Желаящие купить поместье назовут свою цену. Скорей всего, оно достанется ливерпульцам. Вряд ли Уэдерби раскошелится. Ему нужно, чтобы было дешево и нехлопотно. Сейчас кругом продают землю под застройку. А это поместье может позволить себе купить тот, у кого есть средства на снос старого дома и на постройку нового.

– Да, в наши дни такое редкость, – согласился я.

– Даже если не трогать старый, содержать его очень накладно. Тут и налоги, и ремонт, да и прислугу в сельской местности не так-то просто найти. Нет, люди скорей выложат несколько тысяч за шикарную квартиру в городе, где-нибудь на шестнадцатом этаже современного здания. На нескладный огромный дом в деревне охотников в наши дни мало.

– Но почему бы вместо него не построить современный дом? – удивился я. – Со всеми удобствами.

– Можно, конечно, но это ведь какие деньжищи нужны, да к тому же многие боятся жить в безлюдном месте.

– Ну, положим, не все, – возразил я.

Он засмеялся, и мы распрощались. Я отправился прогуляться, погрузившись в невеселые думы. Я и сам не заметил, как взобрался по тропинке к извилистой дороге, которая вела на вересковую пустошь.

Так вот я и очутился в том месте, где впервые увидел Элли. Как я уже сказал, она стояла в тени высокой разлапистой ели, а вид у нее был примерно такой, будто она появилась тут только что – прямо из дерева, словно фея. На ней был костюм из темно-зеленого твида, светло-каштановые волосы своим оттенком напоминали осенние листья, а сама она казалась какой-то бесплотной. Увидев ее, я остановился. Она с испугом смотрела на меня, чуть приоткрыв рот. Наверное, и у меня был испуганный вид. Мне хотелось что-то сказать, но я не знал что.

– Простите, я вовсе не собирался вас напугать, – наконец пробормотал я. – Я и не заметил, что здесь кто-то есть.

– Ничего страшного, – отозвалась она, и голос у нее был тихий и ласковый, как у маленькой девочки. – Я тоже не ожидала кого-нибудь здесь встретить. – Оглянувшись по сторонам, она добавила: – Тут так безлюдно. – Я заметил, что она чуть-чуть дрожит.

В тот день дул довольно прохладный ветер. А может, дело было вовсе не в ветре, не знаю. Я подошел поближе.

– Страшновато здесь, правда? – спросил я. – Я говорю про этот полуразрушенный дом.

– «Тауэрс»?⁷ – задумчиво произнесла она. – Так называлось поместье, да? Только... только почему-то никаких башен здесь нет.

– Ну и что, – сказал я. – Люди любят давать величественные названия своим домам.

⁷ Тауэрс – башни (англ.).

– Наверное, вы правы, – улыбнулась она. – Это... это то самое поместье, которое сегодня продавали с аукциона. Может, вы об этом слышали?

– Да, – ответил я. – Я как раз оттуда.

– Вот как? – чуть удивилась она. – Вы что, хотели его купить?

– Разве я похож на человека, который готов купить разрушенный дом и несколько акров вересковой пустоши? – спросил я. – Нет, я пока еще не сошел с ума.

– Продажа состоялась? – поинтересовалась она.

– Нет, никто не дал цены, даже близкой к резервированной.

– Понятно, – отозвалась она, как мне показалось, с облегчением.

– А вы что, хотели его купить? – спросил я.

– О нет, – ответила она. – Ни в коем случае. – В ее голосе слышалась тревога.

Я помолчал, а потом выпалил то, что мне так хотелось ей сказать:

– Я вам солгал. Я не могу купить это поместье, потому что у меня нет таких денег. Но если бы мог, я бы его купил. Я хочу его купить. Можете смеяться надо мной сколько угодно, но теперь я вам сказал все как есть.

– Но не кажется ли вам, что оно в таком жалком состоянии...

– Конечно, – перебил ее я, – я и не говорю, что оно мне нравится в теперешнем его виде. Но я бы немедленно снес этот уродливый и мрачный дом. Само же поместье вовсе не кажется мне уродливым и мрачным. Оно прекрасно. Взгляните сюда. А потом сделайте несколько шагов и посмотрите в просвет между деревьями на эти холмы и поля. Видите? Прорубить здесь аллею... А если посмотреть отсюда...

Я взял ее за руку и повернул на девяносто градусов. Вероятно, это было с моей стороны непозволительной фамильярностью, но она, по-моему, этого не заметила. Во всяком случае, я вел себя очень сдержанно. Мне просто хотелось показать ей то, что сумел увидеть сам.

– Отсюда, – пояснил я, – начинается спуск к морю и скалам. Между нами и морем лежит городок, но его отсюда не видно, потому что он загорожен вереницей холмов. А если вы повернетесь еще на девяносто градусов, то увидите заросшую лесом долину. Не кажется ли вам, что если вырубить часть деревьев и проложить аллеи, если расчистить пространство вокруг дома, то он будет великолепно смотреться? Только строить его нужно не на месте старого, а немного правее – в ярдах⁸ пятидесяти-ста. А дом был бы чудесным. Его бы построил гениальный архитектор.

– А среди ваших знакомых есть гениальные архитекторы? – В ее голосе слышалось сомнение.

– Один точно есть, – ответил я и тут же принялся рассказывать ей про Сэнтоникса.

Мы сидели рядышком на поваленном дереве, а я все рассказывал и рассказывал этой тоненькой, стройной девушке, которую видел впервые в жизни, о своей мечте. Со всей пылкостью, на какую только был способен.

– Этого никогда не будет, – сказал я, – я понимаю. Не может быть. Но вы только представьте, что здесь можно сделать. Мы бы вырубili часть деревьев, и стало бы больше света и пространства, и мы бы посадили цветы, рододендроны⁹ и азалии¹⁰, а потом сюда приехал бы мой друг Сэнтоникс. Он все время кашляет, потому что погибает не то от чахотки, не то от чего-то еще, но он бы успел построить нам дом. Он бы сумел построить самый замечательный дом на свете. Вы даже не представляете себе, какие он строит дома. Он строит их очень богатым людям, но не всем, а только тем, кто хочет иметь что-то стоящее. Не в том

⁸ Ярд – мера длины, равная 91,44 см.

⁹ Рододендрон – альпийская роза, род кустарника с неоппадающими листьями и красными цветами, растущий в горных местностях. Разводится также как и декоративное растение.

¹⁰ Азалия – декоративное кустарниковое растение семейства вересковых с крупными цветами яркой окраски.

смысле, что очень шикарное и удобное. А то, что можно назвать заветной мечтой. Он строит для тех, кто жаждет осуществить эту мечту.

– Мне бы тоже хотелось иметь такой дом, – сказала Элли. – Вы заставили меня увидеть его, почувствовать... Да, жить в нем было бы чудесно. Это действительно было бы похоже на сбывшуюся мечту. Здесь можно было бы чувствовать себя свободной, не связанной по рукам и ногам людьми, которые заставляют тебя делать то, чего ты не хочешь. И не позволяют делать то, чего тебе хочется. О, как мне надоела моя жизнь и люди, которые меня окружают! Все-все надоело!

Вот как все у нас с Элли началось. Я был одержим своей мечтой, а Элли – мечтой о свободе. Мы замолчали и посмотрели друг на друга.

– Как вас зовут? – спросила Элли.

– Майк Роджерс, – ответил я. – То есть Майкл Роджерс. А вас?

– Фенелла. – И не сразу, но добавила: – Фенелла Гудмен. – И с тревогой взглянула на меня.

Больше не было сказано ни слова, но мы продолжали смотреть друг на друга. Нам обоим хотелось встретиться вновь, но в ту минуту мы не знали, как это сделать.

Глава 5

Вот как все у нас с Элли началось. По правде сказать, наши отношения развивались не очень быстро, ибо у каждого из нас были свои секреты, которыми мы вовсе не спешили поделиться друг с другом. Нам не хотелось рассказывать о себе все до конца, как полагалось бы, а поэтому мы довольно часто натывались на какой-то невидимый барьер. Мы не отваживались, например, спросить: «Когда мы встретимся в следующий раз? Где я вас увижу? Где вы живете?» Потому что если задаешь такие вопросы, то и тебе могут их задать.

Когда Фенелла называла свое имя, на лице у нее была такая тревога, что я даже подумал, что она меня обманывает. Что ее зовут по-другому. Разумеется, я тут же отогнал свои сомнения прочь. Сам-то я тут же выложил ей свое настоящее имя.

В тот день мы никак не могли найти повод, чтобы расстаться, а потому испытывали все растущую неловкость. Похолодало, и нам хотелось покинуть «Тауэрс» – но что потом? Довольно неуклюже я спросил:

– Вы живете где-то поблизости?

Она ответила, что живет в Маркет-Чэдзулле. Это был маленький городок неподалеку. В нем была довольно приличная гостиница. Скорее всего, она остановилась там, решил я. Она, в свою очередь, с такой же неловкостью спросила у меня:

– А вы живете здесь?

– Нет, – ответил я. – Не здесь. Я приехал сюда только на один день.

Опять воцарилось довольно гнетущее молчание. Подул ветерок. Она дрожала от холода.

– Пойдемте, – предложил я. – От ходьбы нам станет теплее. У вас есть машина или вы пользуетесь автобусом и поездом?

Она сказала, что оставила машину внизу.

– Ничего, обойдусь без нее, – добавила она.

Она вроде немного нервничала. Я подумал, что ей хочется избавиться от меня, только она не знает, как это сделать. И потому сказал:

– Дойдем вместе до деревни, согласны?

Она бросила на меня благодарный взгляд. Мы медленно стали спускаться по петляющей дороге, печально известной столькими несчастными случаями. Когда мы очутились в том месте, где начинался крутой поворот, из тени, падающей от елей, вдруг кто-то вышел. Это произошло так неожиданно, что Элли испуганно ахнула. Оказалось, это старая миссис Ли, с которой я три недели назад разговаривал. Сегодня она выглядела еще более безумной – растрепанные черные волосы развевались по ветру, а на плечах была алого цвета накидка. Властная осанка делала ее выше ростом.

– А вы здесь откуда, голубчики мои? – спросила она. – Каким ветром вас занесло на Цыганское подворье?

– Разве мы вторглись в чужие владения? – спросила Элли.

– Смотря как на это взглянуть. Когда-то эта земля принадлежала цыганам. Потом нас прогнали. Вам здесь не будет счастья, и незачем разгуливать по Цыганскому подворью.

Элли была не любительница ввязываться в споры. А потому ответила мягко и вежливо:

– Извините, мы не знали, что сюда нельзя приходить. По-моему, это поместье сегодня продавалось на аукционе.

– Тому, кто его купит, оно принесет несчастье, – заявила старуха. – Запомни, моя красавица, ибо ты и вправду красивая девушка, мало радости оно принесет будущему владельцу. Эта земля проклята, проклята давным-давно, много лет назад. Держись подальше отсюда. Подальше от Цыганского подворья. Опасность и смерть таит оно для тебя. Уезжай к себе

домой за океан и не возвращайся больше в Цыганское подворье. А если вернешься, не говори потом, что я тебя не предупредила.

Вспыхнув от обиды, Элли сказала:

– Но мы же не делаем ничего плохого.

– Полно вам, миссис Ли, – вмешался я. – Зачем пугать юную леди? – И, повернувшись к Элли, объяснил: – Миссис Ли живет в деревне. У нее там свой коттедж. Она гадалка и умеет предсказывать будущее. Правда, миссис Ли? – в шутовском тоне обратился я к ней.

– Да, я умею это делать, – спокойно отозвалась она, еще больше распрямляя плечи. – Мы, цыгане, все умеем это делать. Могу предсказать будущее и тебе, юная леди. Дай мне серебряную монетку, все как есть скажу.

– Я не хочу знать свое будущее.

– Всем полезно знать свое будущее. Чтобы избежать беды, которая неминуемо вас постигнет, коли не принять мер предосторожности. Не скупись, у тебя в кармане полно денег. Полным-полно. Я знаю кое-что, что и тебе не грех узнать.

По-моему, во всех женщинах живет непреодолимое желание заглянуть в будущее. Я замечал это у тех девиц, с которыми имел дело. Мне почти всегда приходилось расплачиваться за них на ярмарках, где стоят кабинки гадалок. Элли открыла сумочку и, достав две полкроны¹¹, положила их старухе в руку.

– Вот это правильно, моя красавица. А теперь послушай, что скажет тебе матушка Ли.

Элли стянула с руки перчатку и протянула изящную ладошку старухе, которая уставилась на нее, бормоча:

– Ну-ка, что у тебя там? Посмотрим...

И вдруг резко оттолкнула от себя руку Элли.

– На твоём месте я бы сейчас же отсюда уехала. Уезжай и не возвращайся, слышишь? Все, что я сказала тебе раньше, – чистая правда. То же самое я вижу у тебя на ладони. Забудь про Цыганское подворье, забудь, что ты его видела. Там не только разрушенный дом, там еще и земля, на которой лежит проклятие.

– Да что вы к ней привязались? – не выдержал я. – Юная леди не имеет никакого отношения к той земле, о которой вы твердите. Она приехала сюда погулять. И никого здесь не знает.

Но старуха не обратила на меня никакого внимания.

– Говорю тебе, моя красавица, предупреждаю тебя, – сурово продолжала она. – Ты можешь стать вполне счастливой, но ты должна быть начеку. Держись подальше от мест, на которые наложено проклятие, иначе быть беде. Уезжай туда, где тебя любят и лелеют. Ты должна быть осторожней. Помни это. Иначе... Иначе... – Она вздрогнула. – Не по душе мне то, что я вижу у тебя на ладони. – И вдруг одним быстрым движением сунула две полкроны обратно Элли в руку, что-то бормоча себе под нос. Мы с трудом расслышали только одну фразу: – Ах ты горе какое... и никуда не денешься. – И, повернувшись, засеменила прочь.

– Какая... Какая страшная женщина, – сказала Элли.

– Не обращайтесь на нее внимания, – с грубоватой небрежностью отозвался я. – По-моему, она не совсем в себе. Просто решила вас попугать. К этому месту у них здесь, по-моему, особое отношение.

– А что, тут часто бывали несчастные случаи? Кто-то погибал?

– Боюсь, что да. Посмотрите на этот поворот и обратите внимание, какая узкая здесь дорога. Здешнее городское начальство давно следует посадить за халатность. Как не быть здесь авариям? Даже предупредительных знаков и то почти нет.

– Только аварии или еще что-нибудь?

¹¹ Полкроны – монета, равная 2 шиллингам 6 пенсам, вышедшая из употребления после 1970 года.

– Люди любят собирать сплетни про всякие несчастья. А этого везде хватает. Вот и получается, что какое-то место обрастает слухами.

– И говорят, это одна из причин того, что это поместье будет продано за бесценок?

– Вполне возможно. То есть если его приобретет кто-либо из местных. Но не думаю, что оно достанется местным. Скорей всего, его купят под застройку. Я смотрю, вы вся дрожите, – заметил я. – Так что пойдемте быстрее. – И предложил: – Может, будет лучше, если мы распрощаемся здесь?

– Нет. Ни в коем случае. А почему это будет лучше?

Я решился на отчаянный шаг.

– Знаете, завтра я собираюсь в Маркет-Чэдзуэлл, – вдохновенно соврал я. – Может... Не знаю, будете ли вы еще там... Я хочу спросить, нельзя ли мне... увидаться с вами? – Я переступил с ноги на ногу и отвернулся, почувствовав, что щеки мои прямо-таки заливаются румянцем. Но если бы я ничего такого не сказал, как бы мы потом могли встретиться?

– Можно, – ответила она. – Я уеду в Лондон только вечером.

– Тогда, быть может... Не согласитесь ли вы... Наверное, я веду себя чересчур вольно?

– Почему же? Вовсе нет.

– Тогда, быть может, мы с вами посидим в кафе? Оно называется, по-моему, «Голубая собака». Вполне сносное кафе, – добавил я. – То есть я хочу сказать, что... – Я никак не мог подобрать подходящего слова и потому воспользовался тем, которое не раз слышал от матери. – Оно вполне пристойное, – волнуясь, закончил я.

И тут Элли рассмеялась. Наверное, это словечко и вправду звучит в наши дни несколько странно.

– Я уверена, что там очень мило, – сказала она. – Хорошо, я приду. Примерно в половине пятого, устраивает?

– Я буду ждать вас там, – отозвался я. – Я... Я очень рад. – Это единственное, что я сумел вымолвить.

Мы уже подошли к повороту, за которым начинались дома.

– До свиданья, – сказал я, – до завтра. И забудьте все, что наплела вам старая карга. Ей, похоже, нравится пугать людей. Не стоит обращать на нее внимание.

– А вам это место не кажется страшным? – спросила Элли.

– Цыганское подворье? Нет, – ответил я, пожалуй, чуть более решительно, чем следовало, но мне оно и вправду не казалось страшным. Я, как и прежде, считал, что место очень красивое – прекрасная оправа для прекрасного дома...

Вот как прошла моя первая встреча с Элли. На следующий день я в урочный час сидел в «Голубой собаке» и ждал Элли. Она пришла. Мы пили чай и беседовали. Мы и в этот раз не очень-то откровенничали о своей жизни, больше болтали о разных пустяках. Потом Элли, взглянув на часы, сказала, что ей пора, потому что ее поезд на Лондон отходит в семнадцать тридцать.

– А я думал, что у вас здесь машина, – сказал я.

Она, чуть смутившись, призналась, что вчера говорила не про собственную машину. Но так и не объяснила, чья это была машина. Нами снова овладело чувство неловкости. Я подозвал официантку, расплатился за чай, а потом решился спросить напрямик:

– Я смогу еще... смогу когда-нибудь снова вас увидеть?

Она в этот момент внимательно рассматривала скатерть.

– Я пробуду в Лондоне еще две недели, – сказала она, не поднимая глаз.

– Где и когда? – спросил я.

Мы договорились встретиться в «Риджентс-парк-отеле» через три дня. Стояла чудесная погода. Мы пообедали в ресторане на открытом воздухе, а затем прошли в сад Королевы Марии, уселись там в шезлонги и принялись болтать. С этого дня наши разговоры стали

более откровенными. Я рассказал ей, что получил неплохое образование, но карьеры не сделал. Рассказал, как бегал с одной работы на другую, рассказал, где и кем работал, не про все, конечно, и еще что никак не мог на чем-либо остановиться, как мне все надоело и я искал, искал... Как ни странно, она слушала меня затаив дыхание.

– Совсем другая жизнь, – заметила она. – Как удивительно не похоже.

– Не похоже? На что?

– На мою жизнь.

– О, вы богаты! – решил пошутить я. – Бедная маленькая богачка.

– Да, – совершенно серьезно ответила она. – Я бедная маленькая богачка.

И нехотя, отрывистыми фразами стала рассказывать мне о своей богатой семье, об удушливой, тоскливой атмосфере в их доме, таком комфортном и таком унылом. О том, что ей запрещено выбирать себе друзей и делать то, что хочется, – а она видит, как люди вокруг наслаждаются жизнью, а ей в этом отказано. Ее мать умерла, когда она была совсем маленькой, и отец женился снова. А потом, спустя несколько лет, умер и он. Я понял, что она не очень дружна с мачехой и большей частью живет в Америке, но много путешествует по разным странам.

Я слушал ее и не понимал, как в наше время молоденькая девушка может вести такое существование – практически сидеть взаперти в четырех стенах. Конечно, она бывала на вечерах и приемах, но мне казалось, будто это происходило пятьдесят лет назад, – так она об этом рассказывала. В ее мире, по-видимому, не было места ни теплым отношениям, ни веселью, и ее образ жизни отличался от моего, как ночь ото дня. Все это было по-своему любопытно, но, если честно, рассказ ее навевал уныние.

– Значит, у вас совершенно нет близких друзей? – не мог поверить я. – А как насчет молодых людей?

– Их для меня выбирают, – понуро ответила она. – Они все жуткие зануды.

– Вы живете просто как в тюрьме, – заметил я.

– В общем-то да.

– И ни одной близкой подруги?

– Теперь появилась. Ее зовут Грета.

– А кто такая эта Грета? – спросил я.

– Ее наняли мне в компаньонки – нет, пожалуй, не совсем так. Сначала у нас в течение года жила девушка-француженка, помогала мне учить французский язык, а потом из Германии приехала Грета – помогать в немецком. Но Грета оказалась не такой, как все. И с ее приездом все переменялось.

– Она вам очень нравится?

– Она мне очень помогает, – ответила Элли. – Она на моей стороне. Это только благодаря ей я хоть изредка могу делать то, что хочется мне самой. Она не боится солгать ради меня. Я ни за что не смогла бы побывать на Цыганском подворье, если бы не Грета. Она живет со мной в Лондоне, опекает меня, пока моя мачеха находится в Париже. Если я куда-нибудь уезжаю, я сочиняю два-три письма и оставляю их Грете, а она отправляет их каждые три-четыре дня, и на них стоит лондонский почтовый штемпель.

– А почему вы вдруг решили поехать на Цыганское подворье? – спросил я. – И для чего?

Она ответила не сразу.

– Мы с Гретой так решили, – сказала она. – Она удивительный человек, постоянно придумывает что-то интересное, у нее столько всяких идей.

– А как она выглядит, эта Грета? – спросил я.

– О, Грета очень красивая, – ответила Элли. – Высокая, со светлыми волосами. И все умеет делать.

– Мне она, наверное, не понравится, – сказал я.

Элли засмеялась:

– Понравится, вот увидите. Не сомневаюсь. Она к тому же очень умная.

– Не люблю умных девиц, – сказал я. – Равно как и высоких блондинок. Мне нравятся маленькие девушки с волосами цвета осенних листьев.

– Вы, наверное, ревнуете к Грете, – заметила Элли.

– Возможно. Вы ведь ее очень любите, не так ли?

– Да, очень. С ее появлением моя жизнь стала совсем другой.

– Это она посоветовала вам приехать сюда? Интересно, зачем? В этих краях нет ничего необычного. Прямо какая-то загадка.

– Это наш секрет, – смутившись, призналась Элли.

– Ваш и Греты? Какой же?

Она покачала головой.

– Пусть это останется моей тайной.

– Ваша Грета знает, что вы встречаетесь со мной?

– Она знает, что я с кем-то встречаюсь. И все. Она не задает вопросов. Она знает, что я счастлива.

После этой встречи я целую неделю не видел Элли. Вернулась из Парижа ее мачеха, приехал и еще кто-то, кого она называла дядей Фрэнком, мимоходом Элли упомянула, что у нее скоро день рождения и по этому поводу будет большой прием.

– Всю эту неделю я не смогу выбраться из дома. Но после этого... После этого все станет по-другому.

– Почему после этого все станет по-другому?

– Я смогу делать что захочу.

– С помощью Греты, как обычно?

Как только я упоминал имя Греты, Элли начинала смеяться.

– Напрасно вы меня ревнуете, – говорила она. – В один прекрасный день вы познакомитесь, и, я уверена, она вам понравится.

– Мне не по душе девушки, которые любят командовать, – упрямылся я.

– А почему вы решили, что она любит командовать?

– С ваших же слов. Она вечно что-то устраивает.

– Грета очень энергичная, – сказала Элли, – и все у нее так ловко получается. Моя мачеха целиком на нее полагается.

Я спросил, что собой представляет дядя Фрэнк.

– По правде говоря, – ответила она, – я не очень хорошо его знаю. Он муж сестры моего отца. По-моему, он всегда был чем-то вроде перекасти-поля и не раз попадал в переделки. О таких всегда говорят намеками.

– Не принят в обществе? – спросил я. – Из непутевых?

– О нет, ничего страшного, но у него действительно были неприятности. Что-то связанное с деньгами, по-моему. И тогда нашим адвокатам, попечителям и некоторым знакомым пришлось постараться, чтобы все уладить. Это обошлось недешево.

– Ага! – воскликнул я. – Значит, в вашей семье он представляет порок. Тогда мне лучше подружиться с ним, чем с вашей добродетельной Гретой.

– Когда ему хочется, он может быть очаровательным, – сказала Элли. – Он интересный собеседник.

– Но вы его не очень жалуете? – резко спросил я.

– Почему же? Вовсе нет... Просто порой мне кажется – не знаю, как бы это лучше сказать, – что я не понимаю, о чем он думает или что замышляет.

– Он что, из любителей замышлять?

– Не могу понять, что он в действительности собой представляет, – сказала Элли.

Она ни разу не предложила, чтобы я познакомился с кем-нибудь из ее семьи. Может, мне самому намекнуть, порой думал я. Но боялся, что она как-нибудь не так отреагирует на мое предложение. Наконец я решился.

– Послушайте, Элли, – сказал я, – как по-вашему, не пора ли мне познакомиться с вашей семьей?

– Мне бы не хотелось, чтобы вы с ними знакомились, – не задумываясь, ответила она.

– Я, конечно, ничего особенного собой не... – начал я.

– Я вовсе не это имела в виду. Боже упаси! Просто они поднимут шум, а я этого не хочу.

– Иногда мне кажется, – сказал я, – что мы занимаемся каким-то темным делом, где я играю весьма неблагоприятную роль.

– Я уже достаточно взрослая, чтобы иметь собственных друзей, – сказала Элли. – Скоро мне исполнится двадцать один год. И тогда я буду иметь законное право заводить себе друзей по своему усмотрению. Но сейчас, видите ли... Как я уже сказала, они поднимут страшный шум и увезут меня куда-нибудь, где я не смогу с вами встречаться. И тогда... В общем, пусть пока все остается как есть.

– Ну раз вас это устраивает, то ради бога, – ответил я. – Просто не понимаю, почему мы должны встречаться, так сказать, тайком.

– Никто не встречается тайком. Разве плохо иметь друга, с которым можно пооткровенничать? Или, – она вдруг улыбнулась, – помечтать. Вы даже не представляете себе, как это приятно.

Да, именно этим мы занимались – мечтали! Наши встречи все больше и больше были посвящены этому. Иногда мечтал я, но гораздо чаще Элли.

– Предположим, что мы купили Цыганское подворье и строим там дом.

Я много рассказывал ей о Сэнтониксе, о домах, которые он построил. Я пытался описать ей эти дома и объяснить, как он мыслит, задумывая их. Не уверен, что у меня это хорошо получалось, потому что я вообще плохо что-либо описываю. Элли представляла дом по-своему – наш дом. Мы не произносили слов «наш дом», но это явно подразумевалось...

Итак, в течение недели мне предстояло обходиться без ее общества. Я взял из банка деньги, которые мне удалось скопить (очень немного), купил колечко с зеленым камнем в виде ирландского трилистника и подарил ей на день рождения. Оно ей очень понравилось, она явно была обрадована.

– Чудесное кольцо, – сказала она.

Она редко носила драгоценности, но если уж что-либо надевала, то это были настоящие бриллианты и изумруды. И тем не менее мое зеленое ирландское колечко пришлось ей по вкусу.

– Этот подарок мне понравился больше всех, – заверила она меня.

Потом я получил от нее записку. Сразу же после дня рождения она уезжала вместе с семьей на юг Франции.

«Но вы не беспокойтесь, – писала она, – я буду в Лондоне через две-три недели – по пути в Америку. Мы обязательно встретимся. Я должна сказать вам что-то очень важное».

Мне было тревожно и немного не по себе из-за того, что я не виделся с Элли, из-за того, что она не здесь, а где-то во Франции. Кое-что стало известно и про Цыганское подворье. Его, по-видимому, купило какое-то частное лицо, но кто именно, выяснить не удалось. Покупателя, как мне сказали, представляла одна из лондонских юридических контор. Я попытался выведать подробности, но из этого ничего не вышло. Контора вела себя крайне осторожно. К ее руководству я, естественно, не посмел обратиться, а подружился с одним из клерков, от которого и получил кое-какую информацию. Поместье было продано очень бога-

тому клиенту, который вложил капитал в землю, надеясь на большие доходы, когда начнется активная застройка местности.

Очень трудно узнать что-либо, когда имеешь дело с престижной фирмой. Все сведения держатся под таким секретом, будто они принадлежат военной разведке. И адвокаты никогда не назовут человека, в интересах которого они действуют. О том, чтобы их подкупить, не может быть и речи!

Меня не покидало состояние крайней тревоги. Я постарался выбросить все из головы и отправился навестить мать.

Мы с ней так давно не виделись.

Глава 6

Последние двадцать лет моя мать прожила на улице, состоявшей из похожих друг на друга домов, весьма респектабельных, но совершенно лишенных какой-либо оригинальности и привлекательности.

Парадный вход нашего дома был на славу побелен и выглядел так же, как всегда. Номер 46. Я нажал кнопку звонка, и в дверях появилась моя мать. Она тоже выглядела как всегда: высокая, костлявая, седые волосы разделены пробором посередине, рот, напоминающий капкан, во взгляде подозрительность. Она была твердой как гранит, однако там, где дело касалось меня, давала порой слабину. Она, конечно, старалась этого не показывать, но я уже давно ее раскусил. Ее ни на минуту не покидало желание видеть меня другим, но ее мечтам так и не суждено было сбыться. Отношения у нас постоянно были натянутыми.

– Оказывается, это ты! – удивилась она.

– Да, – отозвался я, – это я.

Она чуть отступила назад, чтобы дать мне пройти, я вошел в дом и, миновав гостиную, очутился в кухне. Она тоже прошла в кухню и остановилась, глядя на меня.

– Давненько мы не виделись. Чем ты был занят?

– Ничем особенным, – пожал я плечами.

– Значит, все как обычно?

– Как обычно, – подтвердил я.

– Сколько же мест ты переменял с тех пор, как мы виделись в последний раз?

– Пять, – немного подумав, ответил я.

– Пора бы тебе повзрослеть.

– Я давно уже повзрослел, – сказал я, – и давно выбрал себе образ жизни. А ты как поживаешь?

– Тоже как обычно, – ответила мать.

– Ну а как со здоровьем?

– У меня нет времени болеть, – сказала мать и вдруг спросила: – Зачем ты пришел?

– Разве я обязательно должен прийти за чем-то?

– Так бывало всегда.

– Не понимаю, почему ты так отрицательно относишься к моему желанию повидать мир?

– Водить лимузины по Европе, по-твоему, видеть мир?

– Конечно.

– Вряд ли ты увидишь много интересного, коли будешь бросать работу, предупредив хозяев всего за день, и, сославшись на болезнь, оставлять клиентов в каком-то забытом богом городе.

– Откуда тебе это известно?

– Звонили из твоей фирмы. Спрашивали, не знаю ли я, где ты живешь.

– А зачем я им понадобился?

– Наверное, решили снова взять тебя на работу, – ответила мать. – Только не понимаю почему.

– Потому что я неплохой шофер и умею ладить с клиентами. Во всяком случае, не моя вина, что я заболел.

– Не знаю, не знаю, – сказала мать.

По ее виду было ясно, что она так не думает.

– А почему ты не позвонил им, когда вернулся в Англию?

– Потому что у меня были более важные дела, – ответил я.

– Опять что-то задумал? – Она удивленно подняла брови. – Снова какие-то дурацкие затеи? Что ты делал все это время – с тех пор, как вернулся?

– Работал заправщиком на бензоколонке, механиком в гараже, клерком, мыл посуду в третьеразрядном ночном клубе.

– То есть катился по наклонной плоскости, – подытожила мать с каким-то мрачным удовлетворением.

– Ни в коем случае, – возразил я. – Это все входит в мои планы знакомства с жизнью. Она лишь вздохнула и спросила:

– Чего хочешь, чаю или кофе?

Я предпочел кофе. Я уже отучился пить чай. Мы сели за стол, и она отрезала нам по куску домашнего пирога.

– А ты изменился, – вдруг заметила она.

– Я? В чем?

– Не знаю в чем, но изменился. Что случилось?

– Ничего не случилось. А что должно было случиться?

– Ты как-то взбудоражен, – сказала она.

– Собираюсь ограбить банк, – пошутил я.

Но она явно не желала переходить на шутливый тон и вполне серьезно сказала:

– Нет, этого я не боюсь.

– Напрасно. По-моему, в наши дни это самый легкий способ разбогатеть.

– Чтобы как следует к этому подготовиться, нужно немало потрудиться, – сказала она. – Поработать головой, что ты не слишком любишь делать. Кроме того, дело это рискованное.

– Ты считаешь, что видишь меня насквозь?

– Нет, не считаю. По правде говоря, я далеко не все про тебя знаю, потому что мы с тобой разные люди. Но я чувствую, когда ты замыслишь что-то новое. Как сейчас, например. В чем дело, Мики? Нашел девушку?

– Почему ты так решила?

– Я всегда знала, что рано или поздно это случится.

– Что значит «рано или поздно»? У меня было много девушек.

– Я имею в виду не это. Ты занимался девушками от нечего делать, из спортивного интереса, но никогда всерьез не влюблялся.

– А сейчас, ты полагаешь, я увлечен всерьез?

– Значит, дело действительно в девушке, Мики?

– Отчасти. – Я опустил глаза.

– И что она собой представляет?

– То, что мне нужно, – ответил я.

– Ты нас познакомишь?

– Нет, – сказал я.

– Вот даже как...

– Нет, ты не поняла. Я не хотел тебя обидеть, просто...

– При чем тут обида? Скажи прямо: ты не хочешь мне ее показать, потому что боишься, что я скажу «нет». Так?

– Если бы ты и сказала «нет», я все равно тебя не послушался бы.

– Возможно, но тебе это было бы неприятно. Где-то в глубине души ты бы стал сомневаться, потому что все-таки прислушиваешься к моему мнению. Как бы то ни было, я знаю тебя лучше других и кое о чем догадываюсь – и, скорее всего, мои догадки верны. Полагаю, я единственный человек на свете, способный поколебать твою самоуверенность. Эта девушка, которой ты так увлечен, она из непутевых?

– Из непутевых? – Я расхохотался. – Если бы ты ее увидела! Нет, это просто смешно!

- Что тебе от меня нужно? Ты ведь просто так никогда ко мне не приходишь.
- Мне нужны деньги, – признался я.
- От меня ты их не получишь. И зачем они тебе? Истратить на нее?
- Нет, – сказал я, – мне нужно купить шикарный костюм на свадьбу.
- Собираешься на ней жениться?
- Если она даст согласие.

Мое сообщение явно ее потрясло.

– Мог хотя бы о ней рассказать – хоть что-нибудь! – воскликнула она. – Но я и так чувствую, что ты вознамерился искалечить себе жизнь. Случилось то, чего я всегда боялась: ты нашел какую-то авантюристку.

– Авантюристку? Ты спятила! – Я был вне себя. И тут же ушел, изо всей силы хлопнув за собой дверью.

Глава 7

Дома меня ждала телеграмма из Антиб¹²:

ВСТРЕТИМСЯ ЗАВТРА В ЧЕТЫРЕ ТРИДЦАТЬ ГДЕ ВСЕГДА.

Элли стала совсем другой, я это сразу заметил. Мы встретились, как обычно, в «Риджентс-парке» и поначалу чувствовали себя чуть стесненно. Я собирался ей кое-что сказать и страшно волновался, не зная, как начать. Наверное, так бывает с каждым мужчиной, которому предстоит сделать предложение.

Элли тоже почему-то вела себя несколько странно. Быть может, обдумывала, как поделкатнее мне отказать. Но я почему-то все-таки был уверен, что она мне не откажет. У меня были основания полагать, что Элли меня любит. Но она действительно изменилась: в ней появились какая-то раскованность, уверенность в себе, которые едва ли можно было объяснить только тем, что она стала на год старше. Отпраздновала очередной день рождения, ну и что? Она и ее семейство побывали и на юге Франции, и она, естественно, немного рассказала мне о том, что видела. А потом несколько смущенно добавила:

– Я... Я видела и тот дом, о котором вы мне говорили. Который построил ваш приятель-архитектор.

– Кто? Сэнтоникс?

– Да. Мы ездили к ним обедать.

– Как это получилось? Ваша мачеха знакома с владельцем дома?

– С мистером Константином? Нет... Не очень, хотя они встречались и... Если честно, это Грета постаралась, чтобы нас туда пригласили.

– Опять Грета, – как обычно не сдержав досады, сказал я.

– Я же вам говорила, что Грета умеет все, – улыбнулась Элли.

– Да, да, я помню. Значит, она сумела сделать так, что вы, ваша мачеха...

– И дядя Фрэнк, – вставила Элли.

– Всей семьей, – усмехнулся я, – и, разумеется, сама Грета...

– Нет, Грета не ездила, потому что... – Элли помолчала. – Кора, моя мачеха, считает, что Грета не должна ездить с нами в гости.

– Поскольку она не член семьи, а всего лишь бедная родственница? – спросил я. – Или, верней, компаньонка? Грету, наверное, обижает такое отношение?

– Но она не просто компаньонка, она мне как подруга.

– Дуэнья, нянька, наставница, приятельница – есть много слов.

– Погодите, – сказала Элли, – прежде всего я хочу сказать вам, что теперь понимаю, что вы имели в виду, рассказывая о работах своего друга. Дом действительно чудесный. Он... Он ни на что не похож. Мне кажется, что если бы мы с ним договорились, то у нас тоже был бы чудесный дом.

Она произнесла эти слова машинально. «Мы», – сказала она. «У нас». Значит, Элли специально отправилась на Ривьеру и заставила Грету устроить визит в тот особняк, про который я ей рассказывал, потому что хотела получше представить себе, что за дом построит нам в мире наших грез Рудольф Сэнтоникс.

– Я рад, что этот дом вам понравился, – сказал я.

– А чем вы занимались все это время? – спросила она.

¹² Антибы – небольшой город на Лазурном Берегу Франции к востоку от Канн.

– Работал, впрочем, это неинтересно, – ответил я. – Зато еще я успел побывать на скачках, где поставил на аутсайдера¹³ все до последнего пенни и выиграл в тридцать раз больше. Видите, какой я везучий?

– Очень рада за вас, – сказала Элли, но в голосе ее не было радости, ибо выиграть, поставив на аутсайдера все до последнего пенни, – ситуация почти невероятная для людей того круга, в котором она вращалась. Не то что для моих знакомых.

– И еще я побывал у матери, – добавил я.

– Вы мне о ней почти ничего не рассказывали.

– А зачем? – удивился я.

– Разве вы ее не любите?

– Не знаю, – подумав, ответил я. – Иногда мне кажется, что не люблю. Когда человек становится взрослым, он так или иначе отдаляется от родителей. И от матерей, и от отцов.

– По-моему, вы ее все-таки любите, – упорствовала Элли. – Иначе вы бы не задумались, отвечая на мой вопрос.

– Я вообще-то ее побаиваюсь, – признался я. – Она слишком хорошо меня знает. Знает мои слабости, я хочу сказать.

– Должен же кто-нибудь их знать, – заметила Элли.

– Что вы имеете в виду?

– Кто-то из великих сказал: ни один герой не может оставаться таковым для своего камердинера¹⁴. Наверное, каждому из нас требуется камердинер. Довольно трудно жить, если все время стараешься понравиться всем.

– Вы умница, Элли, – восхитился я и взял ее за руку. – А вы тоже все обо мне знаете?

– Думаю, да, – спокойно и просто ответила Элли.

– Я ведь не так уж много рассказал вам о себе.

– Точнее говоря, вообще ничего не рассказывали. Вы больше отмалчивались, когда я что-то спрашивала. Вот именно. И тем не менее я, по-моему, неплохо вас знаю.

– Не уверен, – отозвался я и продолжал: – Пусть это звучит довольно нелепо, но я должен признаться, что люблю вас. Несколько запоздалое признание, не так ли? Ведь вы, конечно, давно уже об этом знаете, практически с самого начала, правда?

– Да, – сказала Элли, – а вы про меня? Верно?

– Вопрос в том, – решил продолжить я, – что нам дальше делать? Нам будет нелегко, Элли. Вы хорошо знаете, что я собой представляю, как я жил, чем занимался. Когда я ездил навестить мать, то как бы заново увидел, на какой мрачной и по-обывательски добропорядочной улочке она живет. Это совсем не тот мир, в котором существуете вы, Элли. И я не уверен, что нам удастся когда-либо их примирить.

– Вы могли бы познакомить меня с вашей матерью?

– Мог бы, – согласился я, – но лучше этого не делать. Наверное, это звучит грубо, даже жестоко, но, видите ли, нас с вами ожидает довольно странное будущее. Это будет не та жизнь, к которой привыкли вы, и не та, которую вел я. Это будет совсем иная, где нам предстоит примирить мою бедность и невежество с вашим богатством, образованностью и положением в обществе. Моим друзьям вы будете казаться высокомерной, а ваши друзья решат, что со мной неприлично появляться в свете. Итак, что же нам делать?

– Я скажу вам, – ответила Элли, – что мы будем делать. Мы будем жить на Цыганском подворье, в доме, нет, в воздушном замке, который нам построит ваш друг Сэнтоникс. Вот

¹³ Аутсайдер – на скачках лошадь, которой не прочат победы, не фаворит публики.

¹⁴ Изречение, принадлежащее французке Анне Марии Корнюэль (1605–1694), хозяйке салона в Париже, известной своими остроумными и едкими афоризмами.

что мы будем делать. – И добавила: – Но сначала нам надо пожениться. Вы ведь это имели в виду?

– Да, – сказал я, – именно это. Если вы, конечно, решитесь за меня выйти.

– Тут-то никаких сложностей, – деловито произнесла Элли. – Мы можем пожениться на следующей неделе. Я ведь уже совершеннолетняя. И потому могу делать все, что пожелаю. А это главное. Насчет родственников вы, наверное, правы. До тех пор пока все не будет кончено, я ничего не скажу своим родным и вы можете не говорить своей матери, а потом, если им угодно, пусть устраивают сколько угодно скандалов.

– Отлично, – обрадовался я, – все просто замечательно, Элли. За исключением одного досадного обстоятельства. Не хотелось бы говорить вам об этом, но... Мы не сможем жить на Цыганском подворье, Элли. Если мы и построим дом, то только не там. Цыганское подворье продано.

– Я знаю, что оно продано. – Элли засмеялась счастливым смехом. – Вы не понимаете, Майк. Это я купила его.

Глава 8

Мы сидели на усеянной цветами лужайке у ручья, журчавшего среди камней, и идущих вдоль него пешеходных троп. Вокруг было множество людей, но мы их попросту не замечали, мы были увлечены обсуждением своего будущего. Я не сводил глаз с нее, она – с меня. Вообще-то разговор завела она, я же от переполнявшего меня ликования почти не мог разговаривать.

– Майк, – сказала она, – я должна кое-что тебе объяснить. Про себя.

– Не нужно, – ответил я, – не нужно мне ничего объяснять.

– Нет, нужно. Я должна была рассказать тебе об этом сразу, но мне не хотелось, потому что... Потому что я боялась, что ты уйдешь от меня. Этим в какой-то мере объясняется и мой поступок в отношении Цыганского подворья.

– Ты купила его? Но каким образом?

– С помощью адвокатов, – ответила она. – Как это обычно делается. А они одобрили мое намерение вложить капиталы в землю, ибо она растет в цене.

Было довольно странно вдруг услышать, с какой уверенностью и знанием дела нежная робкая Элли рассуждает о капиталах и недвижимости.

– Ты купила его для нас?

– Да. Я обратилась не к семейному нашему адвокату, а к своему личному. Объяснила ему, что меня интересует, заставила изучить вопрос и запустила машину в ход. Было еще двое покупателей, но они выжидали, боясь переплатить лишнее. Самое главное было не упустить сделку и подготовить все нужные документы, чтобы я могла подписать их, как только стану совершеннолетней. Документы подписаны, дело сделано.

– Но тебе ведь пришлось внести задаток. У тебя нашлись такие деньги?

– Нет, – ответила Элли, – нет, в моем распоряжении не было больших денег, но зато всегда можно найти людей, готовых ссудить нужную сумму. Например, обратиться в новую юридическую контору, где очень заинтересованы, чтобы к их услугам прибегали и впоследствии, когда у клиента будет полное право распоряжаться унаследованными деньгами. Они готовы пойти на риск, все-таки маловероятно, что клиент умрет в одночасье – как раз накануне дня рождения.

– У тебя такой деловой тон, – заметил я, – что у меня просто дух захватывает.

– Бог с ними, с делами, – сказала Элли. – Я еще не все тебе рассказала о себе. Кое о чем я тебе, правда, уже рассказала, но ты, по-моему, ничего толком не понял.

– Не хочу я ничего понимать, – взбунтовался я. И, почти срываясь на крик, добавил: – Не надо мне ничего рассказывать. Не хочу ничего знать о том, что ты делала, кого любила или не любила.

– Я совсем не об этом, – возразила Элли. – Мне и в голову не пришло, что ты так это воспримешь. Не бойся, никаких любовных тайн у меня нет. До тебя я никого не любила. Дело в том, что... У меня есть деньги.

– Знаю, – сказал я. – Ты мне это уже говорила.

– Да, – чуть улыбулась Элли, – я помню, как ты назвал меня «бедной маленькой богачкой». А богачка я не такая уж маленькая. Видишь ли, мой дед нажил огромное состояние на нефти. В основном на нефти. И кое на чем другом. Жены, которым он платил алименты, умерли, после чего наследниками были только мы с отцом, потому что два других его сына, братья отца, тоже погибли. Один – в Корее, а другой – в автомобильной катастрофе. Отец получил в наследство колоссальное состояние. Ну а после его внезапной кончины оно перешло ко мне. В завещании отец оговорил сумму, которая поступает в распоряжение моей

мачехи, поэтому ни на что больше она претендовать не может. Все принадлежит мне. Я... я – одна из самых богатых женщин Америки, Майк.

– Боже милостивый, – пробормотал я, – ничего себе... Да, ты права, мне и в голову не приходило, что это... настолько серьезно.

– Я не хотела, чтобы ты знал. Не хотела тебе говорить. Поэтому и боялась назвать свою фамилию. Фенелла Гудмен. На самом деле я вовсе не Гудмен, а Гутман. Я подумала, что про Гутманов ты наверняка слышал, а потому решила произнести свою фамилию на английский манер: «Гудмен».

– Да, – подтвердил я, – про Гутманов я что-то такое слышал. Но даже если бы ты назвала себя так, я бы ничего такого не подумал. Мало ли людей носят эту фамилию?

– Поэтому-то, – продолжала она, – я была тщательно ограждена от внешнего мира, точно пленница. Меня охраняли частные детективы, и молодых людей очень придирчиво проверяли, прежде чем позволить им хотя бы поговорить со мной. Когда у меня появлялся новый знакомый, перво-наперво выясняли, соответствует ли он всем требованиям моей семейки. Ты даже не представляешь, как мне страшно было так жить. Но теперь все – конец, и, если ты не возражаешь...

– Конечно, не возражаю, – перебил ее я. – Мы будем веселиться вовсю. И вообще имей в виду, – добавил я, – лично я считаю, что денег никогда не может быть слишком много.

Мы оба рассмеялись.

– Что мне в тебе нравится больше всего, – сказала она, – так это то, что ты никогда не лжешь.

– И потом, – заметил я, – тебе ведь, наверное, приходится платить огромный налог? Вот тут я тебя все-таки обставил: деньги, которые я зарабатываю, идут прямо мне в карман, и никто не может их у меня отнять.

– У нас будет свой дом, – мечтательно произнесла Элли, – свой дом на Цыганском подворье. – И почему-то вдруг зябко повела плечами.

– Тебе не холодно, дорогая? – сразу спросил я и посмотрел на небо. Но там не было ни единого облачка, и солнце сияло вовсю.

– Нет, – ответила она.

И действительно, было необыкновенно жарко. Мы совсем разомлели на солнышке. Такая жара бывает, наверное, только на юге Франции.

– Нет, – повторила Элли. – Просто я вспомнила ту цыганку...

– Забудь о ней, – сказал я. – Она явно сумасшедшая.

– Как по-твоему, она и вправду считает, что та земля проклята?

– Цыгане, они все такие. Вечно твердят о разных проклятиях.

– Ты много знаешь про цыган?

– Ничего не знаю, – признался я. – Если тебе не нравится Цыганское подворье, Элли, мы можем купить землю в другом месте. На вершине горы в Уэльсе, на испанском побережье или среди холмов в Италии. Сэнтоникс и там построит для нас дом.

– Нет, – решительно возразила Элли. – Я хочу, чтобы наш дом был там, где мы впервые встретились. Ты так внезапно появился тогда из-за поворота, потом увидел меня и остановился, не сводя с меня глаз. Я этого никогда не забуду.

– И я тоже, – пообещал я.

– Вот там пусть и будет наш дом. И твой друг Сэнтоникс построит его.

– Если он еще жив, – почему-то встревожился я. – Он тяжело болен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.